

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
НАШЕЙ РОДИНЫ

Елена Матвеева

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

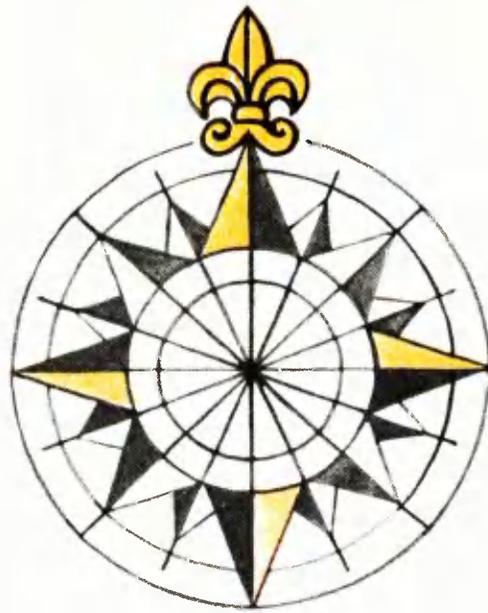
Издательство „Малыш“ · 1989 ·

Елена Матвеева

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

Издательство „Малыш“
Москва · 1989 ·

БЕЛОЕ СОЛНЦЕ

Тихим было утро. Небо белое, как ватное. Солнце тоже белое, пронзительное, без сияния. Потом ветер задул, затянуло солнце тучами, где-то далеко-далеко будто бы гром проурчал.

Лёд под ногами у мальчиков — как ножом полоснуло: пошла раздвигаться чёрная трещина. Бросились назад — там тоже разводье.

— Прыгай! — закричал Егорка.

Сам бы он прыгнул и до берега, наверно, благополучно добрался. Да Никишка с Ваней встали как вкопанные. А разводье росло на глазах.

Всё сильнее напирал с берега ветер, взламывал, крошил, гнал лёд. Та льдина, на которой остались мальчики, стала уверенно двигаться вперёд, в Азов-море.

Никишка с Ваней кричали, звали людей. Только кто же их мог услышать? Берег уже далеко.

Егорка не плакал. Утешал:

— Не ревите! Льдина большая, хлеб есть. Спасёмся как-нибудь...

Азовское море — коварное. Начнут играть ветер с холодом да оттепелью — то скуют море льдом, то взломают его. Целые артели рыбаков уносили льдины в море. «Море кормит, море и хоронит», — говорили рыбаки.

Недолог зимний день. Навалилось на ребят мутно-серое небо. Устали реветь Никишка с Ваней, только всхлипывали и зубами стучали от холода. Егорка разделил ломоть хлеба на три части и раздал ребятам. Потом сбились все вместе, обнялись — так ночевали.

На другой день очнулись ребята — море вокруг. Редкие льдины белыми чаечками там-сям плавают.

Снова завыли Никишка с Ваней. А Егорка утешает, твердит, что льдина у них большая, надёжная. Стали греться, хлопая друг друга по плечам и спине. Дважды доставал Егорка из своей ко-

томки хлеб, отрезал каждому по кусочку сала и половинке луковицы.

На третье утро Ваня сказал:

— Видать, гибель пришла.

— Вперёд смерти не умирай! — рассердился Егорка.

А вскоре увидели ребята — глазам не поверили — рыбацью шхуну. Закричали, руками замахали, а их и без того уж заметили. Сняли обмороженных, натерпевшихся страху ребят, привезли домой.

Это приключение, чуть не стоившее им жизни, не прошло для ребят даром. Никишка с Ваней с тех пор невзлюбили море, боялись его.

А в Егоркином сердце не осталось испуга. Осталось удивление: велико Азов-море, бескрайне звёздное небо...

УЧИТЬСЯ!

У хуторских ребят Егорка Седов слыл атаманом: ловкий, смелый, находчивый. Но подросли ребята, поступили в школу, стали учиться читать, писать, считать. Егорка же начал работать, отцу помогать. Семья у Седовых большая.

Ходил Егорка с отцом в море, сети чинил.

Кое-как сам одолел Егорка чтение и письмо. А в школу удалось пойти только в четырнадцать лет.

В школе Егорка спросил учителя:

— Как корабли по звёздам водят?

— Наука есть такая — астрономия. Рассказывает она о звёздных телах и их движении. Всякое светило своим путём идёт. Может и человеку путь указать.

— А верно, что все звёзды ходят, а одна на месте стоит? — допытывался Егорка.

— Верно. Зовётся она Полярной звездой. А стоит над самой вершиной мира — над Северным полюсом.

Интересно было Егору учиться. Три класса хуторской школы он за два года прошёл. Теперь бы в станицу поехать, в училище! И учитель отца уговаривал: светлый ум у парнишки, большие способности.

Но отец как отрезал:

— Пусть господские дети учатся, а Егору надо на хлеб зарабатывать.

Стал Егор работать в лавке, да так расторопно и толково, что скоро хозяин назначил его приказчиком. Родители гордятся, соседи завидуют: привалило счастье. Один Егор не радуется. Не здесь его счастье. Закроет глаза — а перед ним море, барашками волны бегут, путь кораблю указывает стоящая неподвижно над Северным полюсом звезда.

У пристани Егор познакомился с капитаном торговой шхуны. Рассказал, что мечтает корабли водить, дальние страны посмотреть. Капитан посоветовал ему идти в Мореходные классы. Мореходные классы были в городе Ростове-на-Дону.

Из дома Егора добром не пустили бы. Он сбежал. Чтобы за учёбу в Мореходных классах платить, работал грузчиком и матросом. Выучился и получил диплом, который давал право

Егору Седову водить торговые суда по всем морям мира. А работы не было.

Весёлый человек Седов, неунывающий. Только мысли его одолевали невесёлые. «Высоко хотел залететь, — думал он. — О заморских странах размечтался. А кто ты есть? Мужик! Вот и знай своё место!»

Не в правилах Егора Седова долго предаваться унынию. Пошёл он в военный флот. А сюда рыбацкого сына взяли только рядовым.

Служил Седов, как всё делал: настойчиво, добросовестно. В прапорщики его произвели. Сдал экзамены в Морском корпусе, где господские дети учились, дворяне. Стал Седов служить в Петербурге, в Адмиралтействе, гидрографом. Теперь его никто уж больше не звал Егором. Высокого подтянутого офицера величали полным именем — Георгий Яковлевич.

В Е Т Е Р

По парадным площадям и проспектам Петербурга гулял морской ветер. Вместе с криками чаек он врвался даже в узкие улочки-тупики, переулки. Морской ветер и крики чаек заполняли весь город. Пахло волнами, водорослями, пахло простором. Будто на солнечном луче, на шпигеле Адмиралтейства парил над городом золотой кораблик с надутыми парусами.

С весёлым сердцем смотрел Седов на этот кораблик. Кораблик напоминал о работе. В неизведанные места едут гидрографы. Гидрография — это описание вод земной поверхности. Гидрографы описывают моря и реки, составляют карты, ищут удобные пути для кораблей, чтобы корабли на мель не сели, на подводные камни не наскочили.

Гидрограф Седов ходил в экспедицию в Сибирь, к устью реки Колымы, на берег Ледовитого океана. Не раз работал на Новой Земле. В этих экспедициях Седов и полюбил Север верной, отчаянной любовью.

В 1909 году мир облетела весть: американец Роберт Пири достиг Северного полюса. Однако Пири не смог правильно определить точку полюса, не хватило умения.

Через два года новое известие: норвежец Руал Амундсен

покорил Южный полюс, а теперь собирается на Северный.

«Все государства стремятся на полюс, — размышлял Седов. — Только Россия не торопится. А ведь ни одна страна не имеет столько земли у Северного Ледовитого океана. Кому, как не нам, исследовать океан? Только в глубине арктических льдов можно разгадать тайны зарождения погоды, течений, законы движения льдов».

П Л А Н

С художником Пинегиным Седов познакомился на Новой Земле. Другие художники в те времена так далеко не заезжали.

Полярники считают, что на Севере за месяц можно узнать человека лучше, чем в другом месте за годы. Понял и Седов, что художник — человек решительный, честный, увлекающийся. Вот

почему художнику первому Седов предложил идти на полюс.

Пинегин был очень взволнован, тут же дал согласие, расспрашивал о подробностях.

— Полюс — только часть нашей задачи, связанной с именем русского человека и честью страны, — горячо говорил Седов. — Главное же — научная работа во время плавания и на зимовке. Мы исследуем берега Земли Франца-Иосифа, опишем бухты, мысы, острова, соберём всевозможные коллекции, будем наблюдать за ветрами и течением, льдами и зверьём. В тех краях всё интересно, всё мало изучено.

Допоздна засиделись в тот день Пинегин и Седов. За окном густо падал снег. Казалось, нет там тесного переулочка, скучные стены домов раздвинулись, и открылось взору огромное студёное море, по которому навстречу льдам движется маленькое отважное судно с дружным экипажем.

«РУЧАЮСЬ ЖИЗНЬЮ!»

Если бы Седов был богат! Он бы сам снарядил экспедицию.

Седову посоветовали объявить всенародный сбор денег через газету. И деньги стали присылать. Но как же мало их было! Зато прибавилось недругов. Одни считали затею с экспедицией ненужной, другие называли Седова выскочкой, припоминали, что он рыбацкий сын. А Морское министерство собрало комиссию, чтобы обсудить план экспедиции и... запретить её.

Комиссия выслушала Седова. Один из членов комиссии спросил:

— Вопрос я задаю вам от имени всего русского флота. Чем вы можете поручиться, что полюс будет достигнут? Не получился бы для флота и России вместо славы — позор.

Негромко ответил Седов, но твёрдо:

— Ручаюсь жизнью. Моё имя не будет позором для Родины. Не дойду до полюса — не вернусь.

Комиссия запретила экспедицию. Но в маленькую квартирку Седова каждый день почтальон приносил письма. Самые разные люди просились в поход к полюсу.

Пришли два молодых учёных, два друга — географ Визе и геолог Павлов. Им уже приходилось работать на Севере.

Пришёл матрос Григорий Линник. Он умел обращаться с ездовыми собаками.

Седов продолжал подготовку к экспедиции. Продолжал бороться, чтобы Морское министерство разрешило поход.

И экспедицию наконец разрешили!

В АРХАНГЕЛЬСКЕ

Седов приобрёл крепкий хороший барк «Святой мученик Фока». Много лет назад его сработали норвежские мастера. Долго служил «Фока» зверобоям, ходил во льдах.

Ремонт бы дать «Фоке», да некогда и денег нет. Надо спешить, закупать и грузить на судно тёплую одежду, приборы для научной работы, солонину, сухари, сушёное мясо и сушёные овощи. Надо торопиться. Конец августа. Никогда суда не выходили в Арктику так поздно. Одна надежда: задержится зима.

В Е Р А

Жил Седов в деревянном доме возле пристани. Сюда приехала из Петербурга жена Седова, Вера Валерьяновна. Приехала, чтобы проводить мужа в далёкое плаванье.

Они обвенчались два года назад и вместо свадебного путешествия отправились в Архангельск. Тогда жена провожала Седова в экспедицию на Новую Землю. А теперь — на полюс.

Вера Валерьяновна знала, что жизнь с Седовым не принесёт ей ни богатства, ни развлечений. Принесёт эта жизнь одни расставания. Но что же делать, если полюбила она именно Седова — весёлого, неугомонного, похожего на мальчишку, когда хохочет, сочиняет стихи или бросает в неё снежками. Упрямого, неутомимого исследователя.

Как-то вечером Седов с женой вышли из дома. Во дворе, в загородке, сидели собаки, купленные для экспедиции. Всегда у них было шумно, а сегодня Веру поразила неожиданная тишина. Вера Валерьяновна и Седов были у пристани, когда завyla собака, потом вторая, третья...

У Веры сжалось сердце, и она заплакала. Седов растерялся: — Не плачь, Верочка, не надо!

А потом добавил:

— Ведь не зря тебя Верой зовут: верь, всё будет хорошо! Оставалось жене Седова одно: верить, надеяться, ждать.

СКВОЗЬ ЛЬДЫ

27 августа 1912 года парадная пристань в Архангельске была забита народом. В клетках на палубе «Фоки» лаяли собаки. Гремел духовой оркестр. Неслись крики «Ура!»

Тяжело гружённый «Фока» медленно отвалил от берега, дал прощальный гудок.

За кормой неслись чайки, тоже провожали, кричали пронзительно и тревожно. «Будто плачут», — подумала Вера.

На капитанском мостике, подтянутый и бодрый, стоял начальник экспедиции — Георгий Яковлевич Седов.

...Сентябрь встретил путешественников штормами такой силы, что рулевого к штурвалу привязывали, чтоб не смыло водой.

Через две недели вошли в лёд.

Лёд лежал белыми полями. Между ними по чёрным трещинам-разводьям шло судно.

Старый барк прекрасно слушался руля. Отличное судно. Но не всемогущее. Ледовые поля двигались, напирали на соседние, края их ломались и громоздились в неприступные торосы. Дороги не было. Приходилось возвращаться, идти то вперёд, то в сторону, чтобы обойти торосы. А однажды повернули на юг.

— Так невзначай и до Архангельска дойдём, — не очень весело пошутил Седов.

Однако ни унывающим, ни усталым никто начальника не видел. «Железный он, что ли?» — удивлялся экипаж. Чем опаснее положение, тем решительнее и собраннее Седов.

ЗИМОВКА

«Фока» далеко не ушёл. Прочно вмёрз в лёд в бухте Панкратьева полуострова, у Новой Земли.

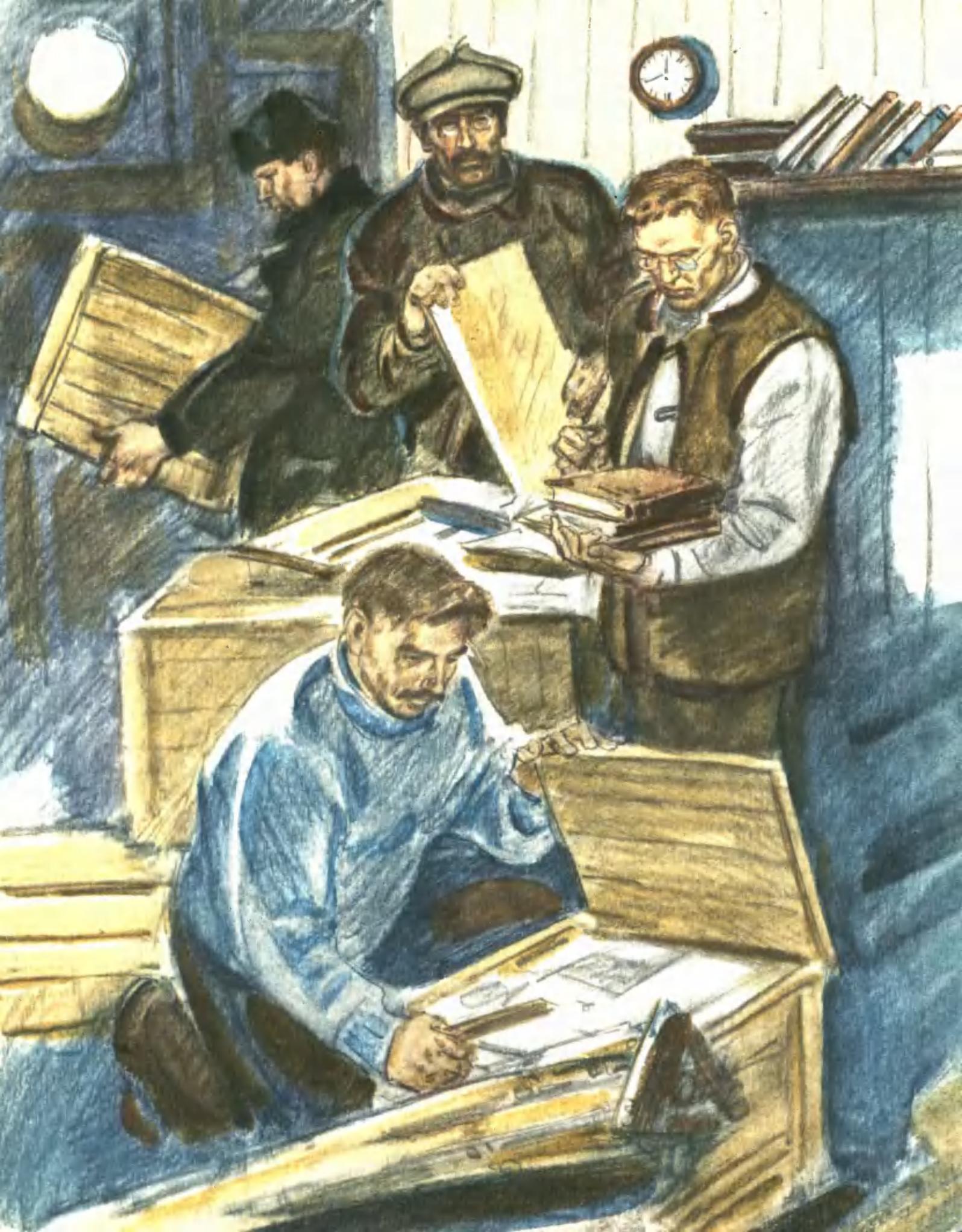
Зима. Это понятно всем. Только Седов не мог смириться с тем, что не добрались до Земли Франца-Иосифа. Значит, весной нельзя выйти на полюс. Он ушёл в каюту и долго не возвращался. Сидел за столиком, подперев голову рукой, смотрел на портрет жены. А когда появился, сказал: «Будем зимовать!»

И всё ожило. То там, то здесь слышался бодрый голос начальника. Стучали молотки. Матросы заколачивали люки, забивали лишние двери — утепляли судно. В кают-компанию принесли из трюма пианино и граммофон. Распаковали приборы. Павлов мастерил полки, оборудовал геологический кабинет. Визе разобрал библиотеку. Художник занимался фотолабораторией.

Барк превратился в дом. Бухту, где он стоял, назвали Бухтой «Святого Фоки». Седов каждый день уезжал с кем-нибудь из матросов: обследовал полуостров Панкратьева и ближайшие острова, вычерчивал карту. Старая была очень приблизительна.

Матросы удивлялись, глядя на Седова:

— Всё умеет. Топором работает и пилой. Палатку за десять минут ставит. Что приключится — нипочём не растеряется. Зря никого не обидит. И весёлый, шутит всё время. С таким не пропадёшь.

Полярная ночь пришла в начале ноября. Но когда светила луна, видно было не так уж плохо, и художник фотографировал.

Пинегин для Седова был самым близким человеком на «Фоке». Нравились ему серьёзный Павлов и вдумчивый, вежливый, аккуратный Визе, на вид совсем мальчик.

Команда подобралась неплохая. Матросы помогали учёным. А учёные с художником ездили на собаках за плавником — лесом, который море выкинуло на берег. Им топили печки: уголь берегли для судовой машины. Привозили куски пресного льда от вмёрзшего неподалёку айсберга — пополняли запасы питьевой воды.

Визе устроил метеостанцию для наблюдения за погодой. От судна до метеостанции натянули канаты, чтобы в пургу, когда и в двух шагах ничего не видно, не заблудиться.

Человек тяжело переносит полярную ночь: тоска одолевает. Седов знал: пока есть работа, пока люди живут дружной семьёй — никакая тоска не страшна. Однажды он предложил:

— Давайте устроим Великий Морской праздник. Хорошее настроение — важная штука, и зависит оно от нас самих.

Павлов тут же взялся писать шуточную пьесу в стихах. Пинегин делал костюмы. А в день праздника судно засверкало огнями, как праздничная ёлка. Кают-компания украсилась флагами, гирляндами и фонариками. На камбузе стряпали пельмени из сушёного мяса с салом, варили компот.

Ударил пушка. Выскочили черти. Появился морской царь с семьёй. Команда хохотала, увидев краснощёкого Шуру Пустошного в костюме морской царевны. Зато трудно было узнать царя Нептуна Полярного в рогожном костюме, в парике и бороде из пакли. Только по голосу поняли: матрос Линник.

Седов играл сам себя — начальника экспедиции. И царь на него очень сердился:

С некрещёною командою,
Злой, разбойничьею бандою,
Не спросивши разрешенья,
Вторгся ты в мои владенья!

Царь потребовал окрестить всех, кто впервые за полярным кругом. Черти бросились ловить новичков. Лицо мазали сажей, а за шиворот выплёскивали по ковшику воды со снегом.

Много было шума и смеха. Больше всех веселился сам Седов.

ВЕСНА

В феврале поднялось над горизонтом солнце. С «Фоки» раздался приветственный залп пушки. Зимовщики дружно прокричали «Ура!»

Всё засверкало, заискрилось. Упали синие тени от скал и барка. Заиграл светлым изумрудом вмёрзший в лёд айсберг. К вечеру небо расцветилось зелёными, розовыми, сиреневыми полосами.

Однако весна шла неохотно. Солнце было холодным. А чаще падали на землю туманы и дожди.

Ушли в поход Павлов и Визе. Они должны были исследовать внутреннюю часть северного острова Новой Земли и описать часть восточного — Карского побережья. Седов с матросом Инютиным отправились на север — к мысу Желания.

ЛЕДНИК ВЕРЫ

Почти два месяца длился поход Седова.

Лёд под берегом был торосистым, труднопроходимым. Иногда этот лёд уносило ветром в открытое море, а вода схватывалась молодым, который под ногами стеклянно хрустел.

В опасных местах Седов шёл впереди, проверяя крепость льда. Инютин с собаками шёл по его следу. Однажды он сошёл со следа и провалился, а за ним поползли в полынью нарты с собаками. Седов бросился на помощь — и сам оказался в воде.

Седов поддерживал нарты, подталкивал их на лёд, кричал на собак, которые выбирались из полыньи и снова соскальзывали. Больше всего он боялся за документы, дневники, хронометры.

Хронометры — точное время. Без этих приборов невозможна работа Седова.

Ещё раз рванули собаки. Седов с матросом вытолкнули нарты на лёд, а потом выбрались сами. Одежда, спальные мешки, сухари промокли. А бумаги и хронометры, привязанные наверху нарт, остались в целости и сохранности.

Около семисот километров прошагали Седов с Инютиным. До них никто здесь не ходил. И карта, которую Седов вычертил, вернувшись, совсем не походила на те, что были. Теперь её с любопытством рассматривали в кают-компании. А Седов рассказывал:

— Этому горному хребту я дал имя Ломоносова. Вот остров Инютина. А возле этого ледника мы спаслись от смерти. Я назвал ледник именем Веры.

НА СЕВЕР!

Наступило лето. «Фока», занесённый зимой по палубу, освободился от снега. Борта его покрасили, зимнюю копоть вычистили. Судно было готово к плаванию. Но лёд оставался крепким, хоть и затопило его водой.

Надвигалась осень. А «Фока» так и стоял вмёрзший в лёд. Вторая зимовка в том же месте — катастрофа. Седов приказал братья за пилы и кирки, пилить канал, прокладывая судну дорогу. Работа шла неплохо, но начались заморозки. Что за день пропилят — то ночью замёрзнет.

Затянулись лужи и озера на льду. Дела плохи. И вдруг третьего сентября поднялся ветер, лёд стал двигаться и ломаться. И вскоре «Фока» пошёл на север. Теперь нельзя терять время, чтобы искать дорогу получше. Только вперёд! Угля для машины осталось совсем мало, а под парусами через льды не пройти.

— Будем резать на дрова баню, топить плавником, ящиками, тюленьим салом, — сказал Седов. — Только бы пробиться к Земле Франца-Иосифа. Я знаю, что адмирал Макаров оставил там запасы угля. Найдём — значит, спасены!

Медленно двигался вперёд «Фока». Через десять дней в тумане выступили горы: «Земля!» «Фока» бросил якорь у мыса Флоры.

Берег был пустынен и бел. Виднелись постройки. Здесь побывали англичане, американцы, норвежцы, итальянцы. Был здесь

ФОР

и русский адмирал Макаров, он собирался дойти до полюса на ледоколе «Ермак». Много мужественных людей хотели идти отсюда к вершине мира. И никто из них туда не добрался.

Вот дом англичанина Джексона. Полуоткрытая, вмёрзшая в лёд дверь, выломанные медведями окна.

А вот избушка Макарова, сделанная из судовой рубки, бамбука и мха. Ещё постройки. Но угля нет. Видно, забрали его другие экспедиции. Плавника вокруг тоже не было.

На следующий день удачно охотились на моржей. Добыли жир для топков и мясо для собак. И снова «Фока» пошёл на север.

Ц И Н Г А

Бухта острова Гукера была удобнее и надёжнее прошлогодней. Седов назвал её Тихой. Уйти дальше на север не удалось, потому что кончилось топливо.

Печку теперь топили всего три раза в день по полчаса. Собирались вокруг, грелись, сушили мокрую обувь и одежду. Разобрали на дрова кубрик, принялись за палубу.

Стены кают обросли льдом. Этой зимой уже никто не раздевался на ночь. Одежда изнасилась. Художник обрабатывал тюленьи шкуры. Матросы шили сапоги из нерпичьей кожи.

Появились больные. У них пухли ноги, кровоточили дёсны, шатались зубы. Болел и начальник. Это цинга — хорошо знакомая на Севере болезнь. Появляется она от недостатка витаминов, когда не едят свежих овощей, мяса, не пьют свежего молока.

Седов всегда отличался завидным здоровьем. Он тяжело работал, недосыпал, сколько раз проваливался под лёд и, не имея сухой одежды, добирался до судна. И никакая хворь, никакая простуда его не брала. Теперь он пожелтел, похудел, возвращался с небольшой прогулки, задыхаясь и пошатываясь. Друзья с беспокойством следили за здоровьем Седова. Но стоило кому-нибудь заикнуться, что на полюс ему нельзя, он сердился.

— До весны пройдёт.

Было одно спасение от болезни — свежее мясо. Но белые медведи почти не попадались. Когда же удавалось застрелить медведя, мясо, как лекарство, получали только больные. А болела уже большая часть экипажа.

ПОСЛЕДНИЙ ПРИКАЗ

В феврале Седов стал собираться на полюс. Болезнь его не прошла. Снаряжение было плохим. Продовольствия не хватало. Вместо шестидесяти собак Седов мог взять с собой только двадцать четыре, вместо шести нарт — три.

Друзья просили Седова остаться. Он и слушать не желал.

В день выхода, пятнадцатого февраля, Седов сидел в своей каюте. Сидел задумавшись. Из рамочки смотрело на него спокойное и ясное лицо жены. И Седов взял перо, строки побежали по бумаге. Он писал последний приказ.

Милые друзья! Честный и надёжный Пинегин! Скромный, упорный Визе! Рассудительный Павлов! Всё понимал Седов. Только не мог он отложить поход.

В последнюю ночь на «Фоке» он услышал во сне чужой,

равнодушный голос: «Чем вы можете поручиться, что полюс будет достигнут? Не получился бы для флота и России вместо славы — позор». И Седов, уже проснувшись, машинально ответил: «Ручаюсь жизнью».

На койке его разложен флаг, вышитый женой. Этот флаг взовьётся на полюсе. Дорога домой для Седова одна — через Северный полюс.

Прощаться с Седовым собрались в кают-компани.

«Итак, в сегодняшний день мы выступаем к полюсу, — читал Визе приказ Седова. — Это — событие для нас и для нашей Родины. Об этом деле мечтали уже давно великие русские люди — Ломоносов, Менделеев и другие. На долю нас, маленьких людей, выпала большая честь осуществить их мечту».

Седов просил жить без него в дружбе и продолжать научную работу. Негромко и задушевно сказал:

— Не волнуйтесь за нас, друзья. Я отдаю себе отчёт в том,

что две зимовки нас измотали. Но если я слаб, мои спутники — Линник и Пустошный — крепки. Мы исполним свой долг. Верьте в это, как я.

Пора в путь. Но все продолжали сидеть. У многих на глазах были слёзы. Седов встал первым.

У кого хватало сил, шли рядом с санями — провожали Седова. В последний раз он оглянулся на судно, крепко обнялся с товарищами.

— Не хочу говорить вам «прощайте», — сказал он. — Мы ещё порадуемся нашему общему успеху и вернёмся домой. До свидания!

К ПОЛЮСУ!

Впереди шёл Седов. За ним вели собачьи упряжки Линник и Пустошный. Дорога была тяжёлой: рыхлый снег, вздыбленные острые льдины. Люди спотыкались, нарты опрокидывались.

Мороз с ветром обжигали лица, кожа на лицах почернела. Собаки бежали во всю прыть. Но чуть остановка — тут же принимались рыть ямки, забирались туда, прикрывали мордочки хвостами. Особенно мёрзли короткошёрстные. На ночь Седов забирал их в палатку.

Каждый день понемногу приближал путешественников к цели. «От одной этой мысли можно выздороветь», — думал Седов. Ему даже казалось, что опухоль на ногах стала меньше. Правда, кашлять он стал так хрипло и надсадно, что уснувшие собаки поднимали головы и поводили ушами.

— Надо бы, Георгий Яковлевич, вернуться, — осторожно говорил Линник. — На «Фоке» поправитесь, снова поедем.

— Ничего, — уверял его Седов. — Добратся бы до острова Рудольфа. Там мы отдохнём, и я быстро поправлюсь.

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

Спальный мешок был сшит для троих. Седова клали посередине, чтобы согреть. Но к утру влажный мешок промерзал и затвердевал. Седова бросало то в жар, то в холод. Он бредил.

Седов уже не мог идти сам. Его везли на нартах в меховом

костюме. Привязывали, чтобы не вывалился. Глянут матросы, а у него голова на грудь склонилась: то ли дремлет, то ли в забытьи. А компас из рук не выпускает, будто боится, что матросы на юг повернут.

— Что же вы, Георгий Яковлевич, не верите нам, — упрекнул Седова Линник. — Мы же с вами добровольно, никто не неволил. И пойдём до конца.

Впереди уже был остров Рудольфа, самый северный на Земле Франца-Иосифа. Но лёд стал тонким. Нарта с собаками провалилась, еле вытащили. Ходили матросы на разведку — впереди широкая полоса воды. И птиц столько, что рябит в глазах!

В тот день впервые поднялось над горами солнце. Как обрадовался Седов. Ещё одна весна!

А за тонкими стенками палатки выл ветер. Скулили от холода собаки. Линник растирал Седову ноги. Потом положил его голову к себе на колени — так Седову было легче дышать. Шура держал зажжённый примус возле его груди.

— Погаси примус, — просил Седов. — Керосин надо беречь. Лучше обложи палатку снегом, теплее будет.

Седов пытался приподняться, воздуха ему не хватало.

— Линник... Подержи...

Это были его последние слова.

Наступало утро пятого марта 1914 года.

На крутом берегу острова Рудольфа, над самым морем, Линник и Пустошный кирками выдолбили могилу. Сделали над могилой горку из камней. Воткнули крест, связанный из лыж. Положили в ногах флаг, вышитый женой Седова. Тот флаг, что должен был взвиться над полюсом.

Всегда теперь будет светить Седову Полярная звезда. Звезда надежды и веры. Звезда первопроходцев.

НОВАЯ ЖИЗНЬ СЕДОВА

Рассказ про Седова закончен. А что же стало с экипажем «Фоки»? Спаслись ли Линник и Пустошный?

Похоронив Седова, больные, исхудавшие матросы вернулись на «Фоку». А летом, освободившись ото льда, судно покинуло бухту Тихую.

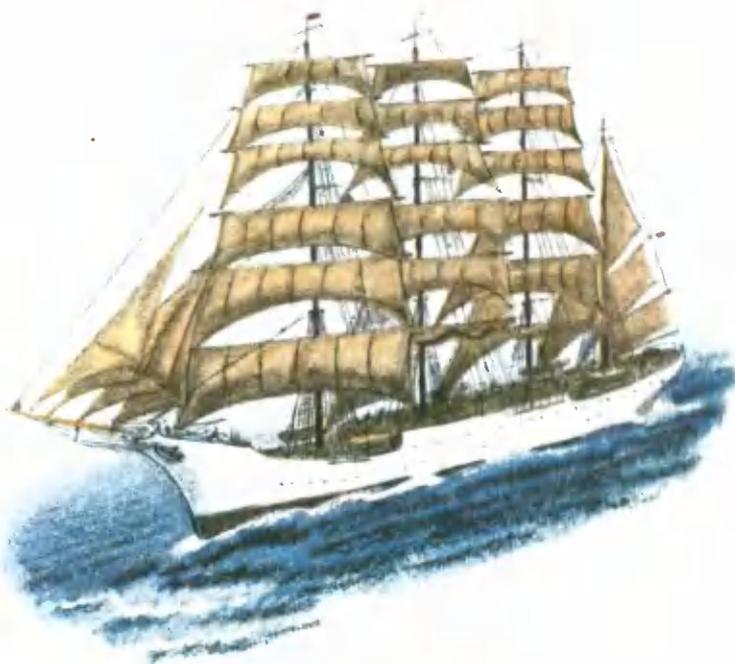
Угля не было. Сожгли в топке все деревянные части судна, без которых можно было плыть, мебель, обрывки канатов, парусины, мусор. Зато привезли научные работы, дневники, геологические и биологические коллекции, карты, рисунки, фото- и киноплёнки. Но в царской России не оценили подвиг экспедиции Седова. Материалы экспедиции разобрали и обработали только при Советской власти.

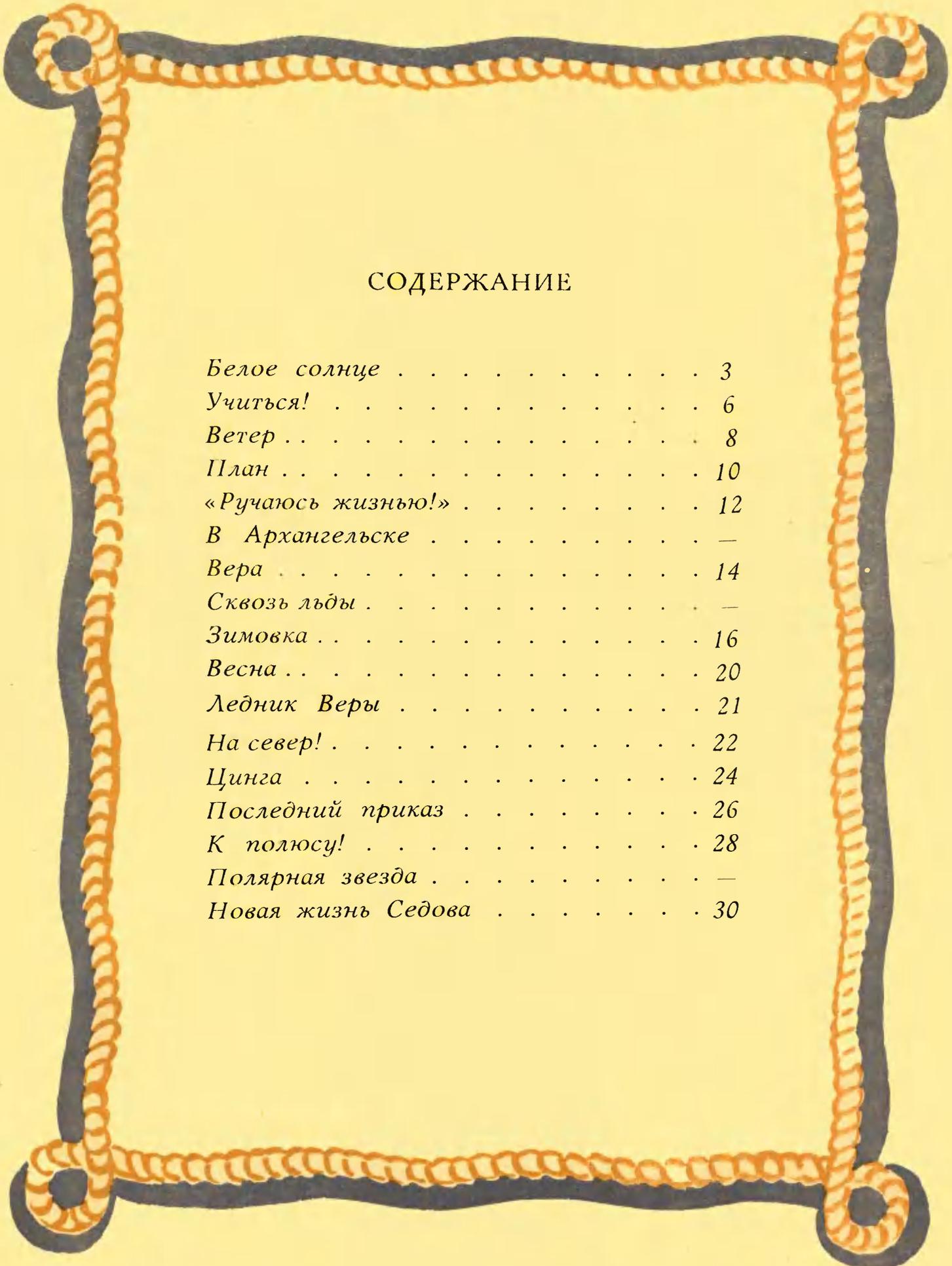
Могилу Георгия Яковлевича Седова искали, но не нашли. Пустошный и Линник не умели определить на карте, где похоронили его. В 1938 году зимовщики полярной станции на острове Рудольфа обнаружили на мысе Аук обрывки брезента, меха, топорик и истлевший флаг. На древке флага медный пояс, а на нём выгравировано: «Экспедиция старшего лейтенанта Седова».

На карте нашей Родины именем Седова названы одиннадцать географических объектов.

Замечательный советский поэт Николай Заболоцкий написал:

Друзья мои, на торжестве народном
Помянем тех, кто пал в краю холодном!
Вставай, Седов, отважный сын земли!
Твой старый компас мы сменили новым,
Но твой поход на Севере суровом
Забуть в своих походах не могли.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Белое солнце</i>	<i>3</i>
<i>Учиться!</i>	<i>6</i>
<i>Ветер</i>	<i>8</i>
<i>План</i>	<i>10</i>
<i>«Ручаюсь жизнью!»</i>	<i>12</i>
<i>В Архангельске</i>	<i>—</i>
<i>Вера</i>	<i>14</i>
<i>Сквозь льды</i>	<i>—</i>
<i>Зимовка</i>	<i>16</i>
<i>Весна</i>	<i>20</i>
<i>Ледник Веры</i>	<i>21</i>
<i>На север!</i>	<i>22</i>
<i>Цинга</i>	<i>24</i>
<i>Последний приказ</i>	<i>26</i>
<i>К полюсу!</i>	<i>28</i>
<i>Полярная звезда</i>	<i>—</i>
<i>Новая жизнь Седова</i>	<i>30</i>

Для младшего школьного возраста

Елена Александровна Матвеева

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

Художники Н. и А. Ляminy

*Редактор Г. Гладкова.
Художественный редактор О. Ведерников.
Технический редактор Н. Житенёва.
Корректор Н. Шадрина.*

ИБ № 2545

Сдано в набор 21.01.88. Подписано в печать 11.10.88.
60×90/8. Бум. офс. № 1. Гарнитура банниковская.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,0. Усл. кр.-отт. 18,5.
Уч.-изд. л. 4,07. Тираж 150 000 экз. Изд. № 1540.
Заказ № 2143. Цена 40 коп. Издательство «Малыш».
Москва, 121352, Давыдовская ул., д. 5. Калининский
ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполи-
графпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин,
проспект 50-летия Октября, 46.

М $\frac{4803010201-043}{M102(03)-88}$ 65-89

© Издательство «Малыш» 1989

Scan: Ershov V. G., 2007